

Новости Хельсинки

Ведомость по Финляндии и Европе



www.novosti-helsinki.com

апрель-май 2020 Цена € 3,50



Страшен чиновник

стр. 2

Диктатура цифровизации

стр. 5

Квартирный запрос

стр. 6

Листья желтые

стр. 8



Человек за бортом



ИГОРЬ ТАБАКОВ

В XIV веке, когда в Европе вся власть принадлежала крупнейшей корпорации под названием «католическая церковь», выходец из старинного рыцарского рода Coluccio Salutati провозгласил понятие *humanitas* – человечность – главным идеалом. А смыслом и целью земного бытия – реализацию всех возможностей, заложенных в индивидууме. Он призывал «не верить, что бежать от мира, избегать вида прекрасных вещей, запереться в монастыре или удалиться в скит – это путь к совершенству».

И хотя с точки зрения тогдашней «политкорректности» подобные высказывания были явным нарушением всех правил, вольнодумного рыцаря поддержали. Почти через столетие после него итальянец Leon Alberti написал: «природа вложила в человека элемент небесный и божественный, несравненно более прекрасный и благородный, чем что-либо смертное. Она дала ему талант, способность к обучению, разум, способность, благодаря которым он может исследовать, различать и познавать, чего

должно избегать и чему следовать для того, чтобы сохранить самого себя. Кроме того, природа внедрила в людей потребность в твердой взаимной связи, которая поддерживает общежитие, правосудие, справедливость, щедрость и любовь».

Тогдашние гуманисты отвергли «мэйнстрим» с его основной концепцией, что человек всего лишь «раб божий», лишенный свободы воли, безропотный, покорный – и объявили не выдуманную «небесную», а реальную земную жизнь человека высшей ценностью.

Они возродили идеи греческих философов о том, что «человек есть мера всех вещей, существующих – в том, что они существуют, несуществующих – в том, что они не существуют».

Одновременно рост городов-республик привел к появлению мастеров, ремесленников, торговцев, банкиров, которые тоже не захотели следовать церковной системе ценностей и ее аскетичному духу, провозглашаемому для большинства. В итоге через

несколько столетий именно гуманизм привел к промышленной революции и процветанию западных европейских стран, сделал их самыми просвещенными, благополучными, комфортными и – до недавнего времени – безопасными.

В судебных спорах «человек-система», к примеру, в Финляндии, (где была создана первая из ныне действующих в России правозащитных организаций – Московская Хельсинкская группа) применялось «правило пешехода». В том смысле, что каждый по несколько часов в день может быть судьей, президентом или бюрократом, но все остальное время – он человек, поэтому его интересы – прежде всего.

Но «гуманность» всегда кончается там, где начинается боязнь за собственное благополучие». Корпорации, заинтересованные в прибылях любой ценой и продвигающие в правительства «полезных идиотов», «инновационные» компании-зомби, успешно продающие последние электронные системы и алгоритмы, привели в итоге к печаль-

ному факту – человек остался за бортом.

Постгуманисты утверждают, что проект *homo sapiens* себя исчерпал. И в целом они правы. Ведь с каждым днем мы все больше утрачиваем свою личность: единые техно-

логии во всем мире старательно формируют «общность, одинаковость, стабильность». Несколько лет назад немецкий психиатр и исследователь головного мозга Манфред Шпицер доказал разрушение когнитивных функций мозга, связанное с чрезмерным использованием цифровых технологий. И с сожалением констатировал, что «настала эра умных идиотов».

В глобальном же плане наступил крах основной составляющей европейской цивилизации.

Гуманизм превратился в политический инструмент, и стал идеологическим прикрытием мечты о правлении существами, которые внешне похожи на людей, но людьми больше не являются. «Права человека» теперь больше похожи на дубину, которой колотят тех, кто выбивается из единого потока, не желая быть «просто цифрой» – ID, номером социальной страховки или клиентским.

Но вряд ли мы можем винить кого-либо, кроме самих себя. Из-за лени и глупости мы не видим хотя бы относительно ясную картину происходящего вокруг, и не желаем делать соответствующих выводов.

О том, к чему приведет наше бездействие, и как в небольшом латвийском регионе удастся сохранить человечность, читайте в этом номере. 🐾



Авиaperезо́зки грузов с компанией Hugoexpress LTD – это гарантированная доставка из Хельсинки-Вантаа в 1200 аэропортов мира

Логистическая фирма Hugoexpress LTD является членом международной организации авиаперевозчиков и имеет договора с более, чем семьюдесятью авиакомпаниями

+358 942 579 221; +358 407 096 999;

info@hugoexpress.fi
andrei@hugoexpress.fi
anton@hugoexpress.fi



www.hugoexpress.fi

ПОСТГУМАНИЗМ

Убить дракона

Почему люди сочиняют так много анекдотов о бюрократах, в которых последние предстают бестолковыми идиотами? Единственный ответ, который никогда не берется в расчет, состоит в том, что они просто описывают реальность. К примеру, самый грандиозный научный проект XXI века под величественной шапкой Big science – «геном человека» – обошелся в три миллиарда долларов, десятки тысяч сотрудников усиленно занимались им в пяти странах мира, но единственным результатом стал давно известный факт, что наши гены ничем не отличаются от имеющихся у шимпанзе. То же самое происходит во всех научных исследованиях. Не найдено ни одного критически важного лекарства, зато громадные средства вложены в рекламу транквилизаторов и антидепрессантов.

О том, почему мы так и не изобрели телепортацию, увязли в «корпоративной культуре», работой называются всевозможные «наши миссии» и «наше видение», демократия обозначает бюрократию, мечты не исполнены, а реальность превратилась в плохую имитацию, рассуждает антрополог Дэвид Гербер в книге «Утопия правил».

Самый верный способ остановить прогресс в любой области человеческой деятельности – это единообразие и контроль. «Железный закон либерализма или тотальной бюрократии» – так антрополог характеризует ситуацию, в ко-

торой мы все оказались.

Если еще в середине прошлого века бюрократия воспринималась как зло, и считалось необходимым с ней бороться (проводились научные исследования, снимались фильмы, печатались книги в стиле Кафки) то постепенно

обсуждение этой проблемы стало табу.

Мы подняли руки, закрыли глаза и привыкли считать, что все идет именно так, как должно быть. Не занимались исследованием, а тратили большую часть времени на ответственность регулированию, не

учить детей размышлять, а гнаться за «правильным» аттестатом, лечиться не у врачей, а в «системе здравоохранения»... У нас даже нет выбора как у потребителя – в магазинах мы покупаем лишь то, что одобрено и разрешено неведомыми инспекторами. Все это,

естественно, подается под соусом заботы – о нас, демократическом большинстве.

Австрийский философ и аристократ Людвиг фон Мизес еще в 1944 году в книге «Бюрократия» предупреждал – государственное регулирование не имеет никакого отношения к свободному рынку, решение социальных проблем административными методами приведет к прямо противоположному результату, а бюрократическая система распределения благ через одного-два поколения закончится фашизмом. Естественно, он был подвергнут ostrakizmu. Что, впрочем, не помешало этим предсказаниям сбыться.

По словам бывшего американского президента Рональда Рейгана, самые страшные в английском языке слова: «я из правительства и я здесь, чтобы помочь».

Более того – появление и разрастание современных корпораций привело к тому, что бюрократические правила администрирования сперва распространились на частный сектор, а потом государство и крупные бизнес-силы. Многочисленные CEO даже не думают о качестве товара, производимом их компанией. Распределение прибыли среди инвесторов, «исследования» индекса бирж, создание портфолио и проведение маркетинга – в этом состоит их задача. Плюс свои интересы имеют военные, которым тоже не хочется терять финансирование. К примеру, все security messages, которые взяли на вооружение бюрократы многих стран, скопированы из инструкции Пентагона.

К сожалению, сделать из подобных «научных достижений» новую религию, которая скрепила бы общество, бюрократии не удалось. Наоборот – она поставила человечество на грань великого исторического перерыва.

Как давно написал американский экономист Джон Кеннет Гэлбрейт: «если вы создадите фирму, чтобы производить парфюмерию, молочные про-



ИСТОК: ПЕКСОС

ПОСТГУМАНИЗМ

дукты, ботинки или фюзеляжи для самолета, то вы концентрируете усилия на том, чтобы все эти товары были лучше качеством и их покупали. Если вы думаете только о том, что принесет больше денег акционером, то, несмотря на многочисленные совещания, отчеты и заполнение форм, вы не производите ничего».

Чтобы скрыть этот несомненный факт, корпоративно-бюрократическая система пытается себя романтизировать. Моя, мы все вместе (почасовые работники, менеджеры и инвесторы) идем к светому будущему и процветанию фирмы. Героические CEO соревнуются в том, кто найдет быстрее и больше сотрудников. От которых, в свою очередь, требуется только одно – лояльность и преданность. Процесс выполнения приказа становится значимым сам по себе, а результат не имеет значения.

При этом «страшной военной тайной» являются вовсе не коммерческая информация, а имена инвесторов – живых людей среди них нет: банки, фонды, ЕС, ВТО, ООН и прочие госструктуры. В которых, к стати, большая часть персонала – чьи-то родственники.

Бюрократическая система распределяет, как синее пятно в чашке Петри: появившись в финансовых районах, она проникает в залы заседаний, в правительственные учреждения и в университеты и, наконец, заполняет все места, где собираются для обсуждения распределения хоть каких-то ресурсов.

Сложился новый язык, состоящий из пустых терминов: «видение», «заинтересованное лицо», «лидерство», «инновации», «стратегические задачи» или «передовой опыт».

Антропологи изучили явления, посвященные культу сертификатов, лицензий и дипломов в бывшем колониальном мире. В странах типа Бангладеш, Тринидада, Тобаго или Камеруна, находящихся столетия назад в плену наследия колониального владычества и собственных магических традиций, официальные удостоверения считались чем-то вроде материального фетиша – волшебных объектов, придающих силу без какой-либо связи с реальными знаниями, опытом или навыками, которые они должны отражать.

Начиная с 1980-х годов настоящий взрыв сертификатов произошел и в «передовых» странах. К примеру, в 1971 году университетский диплом был у половины журналистов. Сегодня этот показатель составляет почти сто процентов, так как во многих изданиях его требуют. И это при том, что у самых известных журналистов его никогда не было.

Способности без диплома вообще теряют в цене. В каждой сфере деятельности, раньше считавшейся искусством, теперь требуется формальная профессиональная подготовка и сертификат о завершении обучения. Эти меры навязываются – как и все бюрократические меры – под предлогом создания честных, бесличных механизмов. Хотя на самом деле это откровенное мошенничество. Например, когда кредиторы и разработчики программ подготовки совместно требуют от правительства, чтобы, скажем, все фармацевты отныне сдавали какой-нибудь дополнительный квалификационный экзамен. Это извлечение прибыли облачается в язык правил и предписаний, но не имеет ничего общего с верховенством закона.

Да и правовая система в целом при разрастающемся числе регулираний и правил, становится все так же увеселивающимся произвольным извлечением отрывков, но не соблюдением законов.

Считается, что при демократии нет личных привилегий. Однако существуют функциональные привилегии и привилегированные функции. Деятельность чиновников в соответствии с занимаемой должностью регулируется и защищается «государственным законом», и таким образом, они занимают привилегированное положение по сравнению с людьми, действующими всего лишь на основании «гражданского права».

В частности, государственным чиновникам разрешается финансировать или субсидировать собственную деятельность через налоги. То есть, они могут принимать участие и жить за счет того, что в частных отношениях между субъектами гражданского законодательства запрещено и считается «воровством» или «незаконными доходами».

«Если вы слышите, что кто-то говорит о «свободном рынке», оглянитесь вокруг в поисках человека с оружием. Он неподалеку. Демократия не отменяет эксплуатации и насилия. Напротив, эксплуатация становится невидимой – вдруг в следующий раз вы выберут! – а насилие – всеобъемлющим. Ведь тотальная зарегулированность делает нашу жизнь настолько неудобной, что соблюдение всех корпоративно-бюрократических правил возможно только под угрозой наказания.

В современных промышленных демократиях законное применение насилия поручено тем, кого обозначают эвфемизмом «правоохранители», прежде всего, полицейским. Лишь очень небольшая доля

того, чем занимается полиция, связана с правоохранительной деятельностью и вообще с какими-либо уголовными делами. То, что обычно должны решать (и решали!) люди между собой – шумят соседи, в общезжитии дерутся однокурники – сейчас делает полиция. Она же выдает ID карты, автомобильные права, проверяет документы, на улицах и в помещениях расставлены камеры наблюдения, женщины и мужчины в формах охранников всюду вокруг нас – в школе, супермаркете, в больнице или в баре.

Нарушением считается все – «незаконное» использование библиотечной карты, прохода в ресторане закрытой бутылки вина (как в Финляндии) или посылка email в входящий в инструкцию банк.

Все корпоративно-бюрократические цифровые системы, сайты государственных услуг, электронные заявления на визы или кредит преподносятся как технический прогресс, но на самом деле это еще один способ регулирования и наказания.

Или интернет – сам по себе он независим, и его можно использовать для распространения как правды, так и лжи. Он наделил нас небывалыми возможностями попытаться избежать государства, но он также предоставил последнему небывалые возможности для шпионажа.

Тем же целям служат и социальные сети, приложения к смартфонам и вообще все, что обозначается модным словом «маркетинг». Нас – как покупателей товаров или услуг – уже не спрашивают, хотим ли мы, к примеру, заменить один солнцезащитный крем на другой – более «продвинутый», пользоваться китайским калькулятором вместо простой и удобной системы кодов и не иметь возможности купить билет у водителя в трамвае Хельсинки. Мы вынуждены подчиняться «инновациям», которые не имеют никакого смысла и в глобальном плане топят капитализм как таковой.

По мнению антрополога, «предпринимая любые попытки повлиять на действия других, вы должны хотя немного понимать, что это за люди, что они о вас думают, чего они хотят в данной ситуации, что им нравится и что их отталкивает и так далее. Ударьте их по голове посильнее, и все это

Бухгалтерские услуги на русском языке
Надежно, выгодно, профессионально
Liikepiiri Oy Kaenkuja 8 A 44,
00500Helsinki
E-mail liikepiiri@elisanet.fi

потеряет значение. Именно поэтому насилие является излюбленным оружием тупиц».

Корпоративная бюрократия скучна и тупа. Она спекулирует «миссией, видением и эффективностью», но чего она хочет достичь? Что конкретно представляют эти расплывчатые ценности? К примеру, нас призывают зарабатывать как можно больше денег, но никто не объясняет, что мы должны делать с этими деньгами потом?

Впрочем, самое опасное, по мнению Дэвида Гребера, это то, что административные императивы становятся не средством, а концом технологического развития. На протяжении десятилетий развитые страны убеждают своих жителей – мы больше не можем ожидать великих открытий, даже если от этого зависит судьба планеты.

Корпоративная бюрократия не просто схематизирует и обезличивает (ни одна форма для заполнения не может отразить всех нюансов реальной жизни) – она под страхом наказания заставляет нас подчиняться и не принимает никаких аргументов.

Компьютерные технологии обезличивают нас еще больше. Если свидетельство о рождении, выданное лет сто назад в каком-либо американском штате или английском графстве, было, в принципе, одинаковым (для графства или штата), то все равно оно было выписано каллиграфическим почерком, со специальным гербом и живой подписью человека. Сейчас нейтральный алгоритм выдает совершенно одинаковые тексты, что, в общем-то, лишает событие его радостного смысла.

Если взять в качестве примера литературных героев, то наркоман Шерлок Холмс раскрывал преступления, уже совершенные против людей. Здоровый накачанный Джеймс Бонд – абстракция, которые могут быть совершены против интересов государства.

Хотя ни в науке, ни в международном праве не существует единого и общепризнанного определения понятия «госу-

дарство». Один из немногих документов, дающих определение этому слову в международном праве – конвенция Монтевидео, подписанная в 1933 году лишь несколькими американскими странами. Именно поэтому президент, к примеру, Франции, может иметь свои интересы. А Франция как государство – нет.

В английском языке слова «Play» и «Game» переводятся одинаково – игра. Разница, как всегда, в деталях. В «Game» нет никакого творчества, она ведется строго в установленных рамках – старт, марш, за «поля» не выходить, больше, чем положено, не играть, нажимать кнопку только по заранее прописанным компьютерным разработчиком правилам. Люди играют в games потому, что считают – если следовать всем правилам, то ведь можно и выиграть!

Бюрократия создает games – просто ничего увлекательного в них нет. Она определяет и регулирует каждый аспект нашей жизни – какие лекарства пить, как работать, сколько времени, когда приходить и уходить, какое вино и где употреблять, какого размера должны быть евросоюзские огурцы, как воспитывать и учить детей, какую рекламу мы должны видеть на улицах... словом, она заменяет нашу жизнь очень скучной компьютерной игрой по инструкциям, которые нельзя ни понять, ни объяснить.

У «Play» – в отличие от «Game» – правил нет. К примеру, никто не запретит вам представить, что робот-бюрократ, организация или система – это дракон. Он мешает вам получить свою принцессу и стать счастливым. Убейте его. Это тяжело – он громаден и кажется могущественным и сильным.

Но вы не один. Вы можете призвать на помощь фей, эльфов, троллей, использовать магические обряды и заклинания... Вы не первый и не последний герой. Ведь этот дракон больше всего на свете боится приключений и творческих игр – они ему попросту недоступны. 🐉

АДВОКАТ РАФАИЛ МАМИЕВ

- ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКС ЮРИДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БАНКРОТСТВА
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО; СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ
- ЮРИДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И ДЕВЕЛОПЕРСКИХ ПРОЕКТОВ
- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СПОРЫ
- УГОЛОВНАЯ ПРАКТИКА; ЗАЩИТА БИЗНЕСА ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА
- СОПРОВОЖДЕНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ; УПРАВЛЕНИЕ АКТИВАМИ
- ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОБСТВЕННОСТИ

+7 (916) 844 33 02 RAFAIL_MAMIEV@MAIL.RU

ПОСТГУМАНИЗМ

Диктатура цифрорриата



ИЛОН МАСК

Главной чертой современного – постгуманистического – общества стал стремительный рост так называемых интеллектуальных технологий и их значение в нашей жизни. Всего за десять лет «человек разумный» превратился в «человека оцифрованного», и мы вновь оказались перед выбором – куда идти? Продолжать верить в то, что нам настойчиво навязывают как упрощенный вариант «прогресса» и не оставляют выбора? Или увидеть, что мир в действительности движется в обратном направлении? Стоит ли свобода и полное уничтожение частной жизни тех «удобств», которые нам предлагают всевозможные приложения, датчики и скрипты? Действительно ли были трудными в «неподключенном» мире столь обременительны, что мы готовы дематериализоваться – то есть, уйти в небытие – ради того, чтобы нечто разогрело удаленно духовку в «умном доме», прислало такси, заказало обед в ресторане и проголосовало на выборах? О том, кому и зачем выгодно нас всех оцифровать и почему мы не обязаны принимать безоговорочно догмат веры техноутопистов, рассуждает Адам Гринфильд в книге «Радикальные технологии».

Те, кто работает над автоматизированными системами, предпочитают говорить о допоянении, а не о замещении людей. Они рисуют картины смешанных команд, работающих в дружелюбной атмосфере. Если допустить, что никто из них не испытывает бессознательного влечения к закату и вымиранию человеческого рода, то объяснений повальной цифровизации может быть несколько.

Во-первых, это масштабность интеллектуального вызова и желание всемирной славы. Разработчики считают – их будут помнить и чтить наравне с титанами науки и промышленности. По крайней мере до тех пор, пока сохранится наш вид.

Во-вторых, это возможность заработать деньги. Поэтому есть инвесторы, вкладывающие ресурсы в развитие технологических систем. И пока это приносит прибыль, будут существовать те, кто готов отдать свою душу и тело, что бы это ни предвещало в будущем.

В-третьих, несмотря на прогресс, жизнь все еще ставит перед нами задачи, которые нас утомляют, вызывают отвращение, опасны или просто мы их не в силах преодолеть. Так не лучше ли (по мнению немого числа людей) слиться с «системами», которые никогда не испытывают скуки и способны работать бесконечно безо всякого присмотра?

В итоге мы создали среду, где ритмы, материальные и энергетические потоки определяются уже не нашими потребностями, сколько потребностями систем. Номинально они еще служат нам, но человеческое восприятие и желания больше не являются главными мериллами ценности.

Техноутописты или, скорее «инновационные» компании, получающие немалые деньги из бюджетов за внедрение и продвижение электронных систем во все сферы человеческой жизни, пытаются нас убедить – в отличие от людей с их личным мнением и предрассудками, алгоритмы безгрешны и независимы, поэтому все их решения (точнее, расчеты)

априори справедливы.

Что далеко не так. Сеть может обучаться исключительно благодаря тому, что соединение между любыми двумя нейронами имеет некоторую силу, численный вес, величина которого может модулироваться в любое время программистом, то есть, человеком, занимающимся обучением алгоритма. А сам процесс тренировки заключается в манипулировании этими весами с тем, чтобы усилить определенные нейронные пути, ответственные за распознавание, и исключить активацию тех путей, которые привели бы к неправильной интерпретации изображения.

Если лишить машинное обучение ореола тайны, то оно будет представлять собой попытку распознания образов в мире через автоматизированный анализ очень больших массивов данных.

Поначу, когда алгоритму будет даваться новое изображение, он будет отвечать наобум. Но по мере того, как будут отлаживаться веса ответов, он научится распознавать признаки, по которым идентифицируется каждый из представленных ему вариантов и в конце концов придет к заключению – к какой марке относится автомобиль, виновен ли подкушенный и достоин ли проситель пособия по безработице.

Но вот будет ли его ответ объективным, справедливым или хотя бы соответствующим действительности? Не факт. Если в процессе обучения ему показывали только красные автомобили определенной марки, в определенной машине синего цвета у алгоритма возникнут проблемы.

Еще один вопрос – смещение. Бывает – и гораздо чаще, чем мы предполагаем – что даже после интенсивного тренинга алгоритм не сумел приобрести никаких существенных знаний о выборке целевых объектов, поэтому бьет наобум в темноте, но колеблется навешивая метки. К примеру, скандальный пример с Google Image, который идентифицировал изображения чернокожих людей как «горилла», так как на всех фото с меткой «люди», ко-

торые ему давали при обучении, были только светкожики.

Или программа Google Deep Dream, которую обучали на Dog Dataset – то есть, на подборке изображений, сделанных для конкурса, и где алгоритм должен был научиться различать различные породы собак. Возвращая на такой выборке система стала воспринимать только то, чему ее обучили. Поэтому любое изображение чего бы то ни было прогонялось снова и снова, резко усиливая признаки «собачности».

Все это хоть и смешно, (а для кого-то и оскорбительно) но не трагично, так как ситуация статична, инструкторы-программисты никуда не спешат и могут отредать результат. Сложность задачи возрастает, когда системы сталкиваются с динамическим многомерным пространством решения, к примеру, когда необходимо вести машину в потоке транспорта, избегая аварий. По задумке разработчиков, программа, управляющая автомобилем, должна в реальном времени интегрировать быстро меняющуюся среду, состояние двигателя, изменения в погодных условиях и в принципе непредсказуемое поведение пешеходов, велосипедистов и других случайных объектов, которые встречаются на пути. Таким образом, для машин без водителя, дронов, роботов и других систем, которые будут иметь дело с реальным миром, главная проблема – обучение без учителя. Такие алгоритмы не получают никаких подсказок и руководства, им дается полная свобода действий для работы с обширными данными. Порядок зарождается сам.

По крайней мере, так считается. Но у искусственного интеллекта (что бы это ни было) есть глубочайшая проблема, которая замалчивается. Многие из вещей в нашем мире трудно четко артикулировать и, следовательно, выразить в форме исполнимого кода. Наш мозг делает эти вещи рутинно и неосознанно. Мы знаем, что чашка – это чашка, стоит ли она целая на столе или лежит она на полу. Но именно потому,

что мы сами не понимаем процесс, при помощи которого находим решение, мы не в состоянии закодировать его в виде инструкций, которыми могут пользоваться вычислительные системы.

Последствия подобного провала могут фатальными. Только один пример – компания Tesla создала долгожданное устройство под названием «автопилот». Илон Маск радостно заявил, что теперь каждый водитель будет «учить свой автомобиль, просто включив этот режим, что это оставит замечательный материал – миллионы миль подробнейших данных о вождении, которые будут добавляться в коллективное хранилище, адаптируясь, делясь информацией и улучшаясь». Ничего из этого не спасло водителя, погибшего, когда «автопилот» его Tesla на полной скорости направил машину в борт грузовика-тягача, не распознав белый борт на фоне ярко освещенного неба. Программа не снизила скорость – потому что не «видела», ради чего это нужно делать.

Но даже без подобных трагических случаев уже проверено – большое количество данных никак не улучшает качество принятия решений. Как бы ни доказывали правительства и корпорации, что технологии сбора и обработки верифицируемы и неподвержены порче, это не так. Хотя бы потому, что базы данных создавались разными инженерами, продавались разными провайдерами, выходили на рынок в разное время и использовались в разных контекстах и культурах.

В «доцифровую» эпоху мы носили, к примеру, в банк квитанции об оплате коммунальных услуг, которые являлись подтверждением проживания по этому адресу, в другие организации – свидетельство о браке, военный билет или медицинскую карту. Реальная стоимость этих клочков бумаги подтверждалась официальным штампом, подписью выдавшего ее чиновника, заверена нотариусом. Мы сами несли ответственность за то, чтобы они бережно хранились, пока в них нет надобности.

А затем началась повальная дигитализация. Если опять убрать завесу тайны, то выглядит она так. Некий человек (или группа людей), получающий минимальную зарплату (или практикант) начинает переносить вручную в базу своей организации все те данные, которые мы ему предоставили. Причем по сколько он (или она) лицо особо незаинтересованное, то в систему перейдут все ошибки, опечатки, неправильная транслитерация и все прочее, что можно ожидать от несовершенного почасового работника. Именно с этим связано огромное число упущенных возможностей, вступую растраченных усилий, задержек и ошибок. У историй людей, попавших в мясорубку обработки данных, остается горький кафкинский привкус, да и на коммерции это отражается самым сюрреалистическим образом. Хаос, путаница и разбазаривание средств вызваны тем, что информация, от которой зависит ваша способность действовать в реальном мире, разбросана по тысячам баз данных, но одна из которых не согласуется с остальными. «Истина», которую они производят, сильнейшим, принятым образом фрагментирована.

Кроме того, мир Big Data наврывает человека невидимым коллапом, делая его уязвимым и зависимым больше, чем когда-либо в истории. Фашизм и коммунизм разбили жизни миллионов людей, но им не удалось их переделать и сделать прозрачными.

Сейчас мы почти полностью зависим как в интеллектуальном, так и в финансовом плане от системы, которая последовательно определяет условия обмена якобы более комфортной жизни на свободу. Даже идя по улице и бессознательно лелея надежду, что мы изолированы в своей неприкосновенной частной жизни, мы находимся под наблюдением алгоритмов, распознающих лица. Что не только уничтожает нашу способность сохранять анонимность, но и подрывает эффектив-

ПОСТГУМАНИЗМ

ность постоянной угрозы того, что разрозненное население может выйти на улицы в поисках справедливости – а именно это всегда было сдерживающим фактором для власти.

В этом свете можно увидеть то, чем на самом деле являются алгоритмы – рядом технических контролер, направленных против свободы, и шагами на пути к исчезновению прав, которыми мы пользовались с момента появления общности.

Еще более пугающий аспект – с помощью электронных систем мы строим мир, в котором никогда не узнаем причин того, что с нами происходит. Это звучит как фильм ужасов или теория заговора, рожденная в голове параноика. Но это факт – мы окружены невидимыми, но могущественными силами, которые следят за нами через устройства, разбросанные по нашему дому или размещены на теле. Эти силы делаются собирать досье на всех нас, передают содержание этих досье неведомым посредникам, которые используют все, что знают, чтобы задавать структуру возможностей. Нас будут брать или не брать на работу, давать или не давать кредит, оказывать или не оказывать медицинские услуги. Но никто не понимает, какое наше действие (или бездействие) привело к этому результату.

Ведь наша способность следить за тем, как власть алгоритмов осуществляется в человеческом мире, осложняется непрозрачностью этих систем. И эта непрозрачность не дает понять – действуют ли алгоритмы в соответствии с нашими ценностями? Еще один важный факт, о котором «техноутописты» никогда не упоминают, а большинство населения не желает задумываться. Мы – люди – существуем материально и живем в мире, где до сих пор все, что на Земле существует, можно было потрогать, увидеть и осязнуть. Весь человеческий прогресс был основан именно на этом. Нам было холодно – и мы строили здания. Не вкусно было есть сырую пищу – мы придумали печь, чтобы ее готовить, и начали выращивать приправы к ней. Эмпирическим путем мы поняли, что отходы нашей жизнедеятельности приводят к заразным болезням, поэтому изобрели канализацию, водопровод и целую систему переработки мусора. Когда нам становилось скучно, отправлялись путешествовать, открывали новые земли, заселяли их и снова строили там дома. Даже такие эфемерные чувства как, например, любовь, оставались вполне материальным наследием – в виде переписанных, а затем и перепечатанных книг или зданий театров, куда мы пока еще приходим, чтобы посмотреть на живых актеров, igraющих в пьесах, написанных пятью и более лет назад.

С массовым внедрением нашу жизнь радикальных технологий процесс глобальной дематериализации становится очевидным. Когда даже такие мелочи, как открывание входной двери переосмысливается в виде цифровой транзакции, оно начинает исчезать из виду, и следовательно, из сознания. Уже давно пропали адресные книги, бумажные записные книжки, бумажные же карты, во многих отелях и «умных домах» нет ключей, а в наших кошельках – фотографий детей. И кто знает, в какой-то момент может исчезнуть из виду, и следовательно, из сознания. Уже давно пропали адресные книги, бумажные записные книжки, бумажные же карты, во многих отелях и «умных домах» нет ключей, а в наших кошельках – фотографий детей. И кто знает, в какой-то момент может исчезнуть из виду, и следовательно, из сознания.

«Нескончаемый поток оповещений, которые передает смартфон, нарезают наше время на нервные, шизоидные отрезки, и вполне возможно, полностью лишает нас способности концентрировать внимание в промежутках между ними. Светящемуся куску поликарбоната всего десять лет, но для большинства жителей планеты (по крайней мере, развитых стран) он стал незаменимым посредником в общении с реальным миром. С его помощью мы покупаем продукты и вещи, заказываем такси и столики в ресторане, находим дорогу, оплачиваем счета...и убиваем время.

В последователе мобильного телефона (созданного вроде бы с той же целью – возможности для человеческого общения) есть часы, будильник и календарь, но подавляющая часть его функциональности обеспечивается скачиванием из интернета приложений. С помощью которых, кажется, можно делать вообще все, что угодно, не выходя из дома.

Что, в общем-то, и сделало смартфон вещь почти утопической, тем, на что мы смотрим в первую очередь, когда просыпаемся, и в последнюю – когда засыпаем. И уже не представляем, как мы жили без этого всего десять лет назад.

Опять же, мало, кто задумывается – какова расплата за эту сбывшуюся мечту? И главное – кому выгодно наша тотальная зависимость? Вместе с подключаемым смартфоном мы впустили в самые тайные сферы нашей жизни организации, занимающиеся техническими стандартами, регулирующие органы разного уровня и бизнес-корпорации. Наша способность выполнять самые обычные обязанности – к примеру, оплачивать счета или заказывать такси – теперь зависит от множества непрозрачных факторов: от свойств электромагнитного спектра до нашей ежесекундной способности подключаться к сети.

Кроме того, вся наша повседневная жизнь эволюционирует уже не со скоростью человеческого общества, а гораздо более быстрыми темпами, характерными для цифровых технологий. А когда такие разные занятия, как фотосъемка, прослушивание

музыки или оплата счета начинают с запуска приложения на одном и том же устройстве, они неизбежно унифицируются. Что ограничивает наш подход к миру еде уловимыми, но навязчивыми способами.

Да и сама наша личность оказывается размазанной по глобальной сетке узлов и связей. Как и смартфон, интернет вещей представляет из себя комплекс протоколов и режимов восприятия, которое связывает лишь одно – стремление донести нашу обычную жизнь до сети, которая могла бы ее анализировать и реагировать соответствующим образом.

Например, попытки инструментализировать тело, отслеживать его поведение и получать на основе этих данных информацию, которую можно пустить в дело, красиво называются «quantified self» – «измерь себя». Тут и простые шагомеры, и более сложные модели, мониторинге частоты пульса, дыхания, потоотделения, а потом по этим чисто биологическим данным определяющие наши психоэмоциональные состояния – стресс, скуку или возбуждение.

Самый безобидный пример – электронные книги, «читающие» нас, пока мы читаем скучный текст. Через короткое нашему вниманию предлагают другие книги, которые – согласно обработанным данным – мы купим, так как они могут вызвать наш интерес.

Или Apple Watch, которые не пошли как часы, но в программе «познай себя через цифры» поддерживаются крупными медицинскими страховыми компаниями.

Пока еще в виде «пряника» - скидок на льготные взносы. В «умном доме» все направлено на то, чтобы исключить процесс размышления между осознанием желания и его удовлетворением с помощью рынка. Так, корпорация Amazon продвигает устройство под названием Dash Button, единственная функция которого состоит в том, что если вы нажимаете на него, когда у вас кончается стиральный порошок, туалетная бумага или кофе, оно автоматически составляет заказ и отправляет его в Amazon.

Эта же компания предлагает «умные колонки» Echo, голосовую помощницу Алекса (у Google – Siri, у Microsoft – Кортана).

Все они кажутся вполне безобидными (почему бы не поразвлечься на досуге), но мы забываем (или не знаем) что они действуют по логике предупреждающего перехвата. Это приводит к пока еще комическим историям. Так, например, когда по радио передавали материал, посвященный Echo, устройство, расположенное в домах слушателей, восприняло это как команду к действию и переклонило термометр на странную температуру в 70 градусов по Цельсию.

Что касается общественного

пространства в целом, то, к примеру, корпорация Siemens обещает оснастить города «бесчисленными автономными умными системами, которые будут иметь самое полное знание о привычках пользователей и предоставлять им оптимальные услуги». Топ-менеджеры бьют себя в грудь и заявляют «данные – это данные, кристально ясные и неиспорченные человеческой слабостью». Это все так. Но если, к примеру, всего на несколько метров изменить высоту установки метеорологических датчиков, то можно получить совсем другие данные загрязнения воздуха в том же месте.

Кроме того, люди, которые живут в городах, придерживаются множества конкурирующих между собой представлений о благе. Поэтому предлагать одно решение для всех – по меньшей мере неосторожно.

...Может показаться странным, что столь обширный ряд технологий имеет какой-то определяющий эмоциональный тон, но у интернета вещей он есть – это меланхолия.

В то, что он предлагает, явно написано представление о внутренних состояниях и домашней жизни, разрушенной бессмысленными рабочими местами, перегруженным графиком, о неспособности или неготовности эмоционально выкладываться.

Но какие бы искренние опасения мы не испытывали, самое важное отрезывающее обстоятельство – это вопрос о том, кто в конечном итоге станет владельцем данных, которые мы сбрасываем в интернет вещей? И что он решит с ними делать?

В 1936 году все голландские муниципалитеты обязали провести учет своих жителей. Каждый из них к 1939 году должен был иметь документ, удостоверяющий личность, в котором, в том числе, была графа «национальность». Карточка велась на перфокартах системы Hollerith, являющейся на тот момент самым передовым методом хранения и обработки данных.

А в 1940 году – после вторжения в Голландию немцев – перфокарты и машины для их чтения оказались в руках у гестапо, и более ста тысяч голландских евреев были отправлены в концентрационные лагеря.

История пона подобно примеров. Режимы меняются, государства выходят наружу, компании терпят крах, их поглощают и вся их собственность переходит в чужие руки.

Такова мрачная реальность, стоящая за формулой Фуко «власть – знание».

К сожалению, сегодня мы не просто позволяем высасывать информацию из наших городов, домов и тел, но и делаем это с готовностью и энтузиазмом.

Молчаливая сделка, которую нам предлагает автоматизация, заключается в том, что в обмен на некоторое улучшение наших

возможностей (реальное или воображаемое) мы отказываемся от собственной свободы действий и уступаем контроль над ситуацией.

Знаменитый американский писатель-фантаст XX века Филлип Дик определил реальность как «то, что не уходит, даже когда мы перестаем в это верить». Именно непреложное качество доступности для всех – кого угодно, в любое время, когда захочется – является главным достоинством реальности. По крайней мере, это единственная платформа, которую мы разделяем, и общая почва, от которой можем оттаиваться.

Заменить это общее пространство миллионами раздельных и не стыкующихся друг с другом индивидуальных «дополненных реальностей» – значит отказаться от любых притязаний на то, чтобы пребывать в одном и том же мире.

А это вступает в противоречие с общей идеей человечества.

Места, в котором материальная среда перестает быть общей системой координат, окажется – и это самое меньшее – негостеприимными для демократии, солидарности и просто товарищеских чувств.

Впрочем, представлять будущее путем линейной экстраполяции на него настоящего, самая большая ошибка. Особенно в той крайне неопределенной ситуации, в которой сейчас находится политика, экономика, финансы, экология и общество в целом.

Тем более, когда пытаешься оценить нечто столь дестабилизирующее, как вышедшие за пределы технологии. Поэтому мы должны выйти за пределы того, что знаем, и рассмотреть разные варианты. Ведь хотя наша способность к реальному ограничению истории, структурной власти и игрой случая, именно мы, обычные люди, должны выбирать – какой мир мы хотим создать.

Корпорации и правительства будут продолжать навязывать нам электронные технологии – в целях получения прибыли и сохранения власти, дискриминировать «несогласных», то есть, «неподключенных». Но вопрос не в том, что наши технологии позволяют нам делать, а в том, что мы собираемся делать с нашими технологиями. Какие решения нужно принять уже сейчас, чтобы достичь желаемых результатов? И к чему мы придем, если не будем делать вообще ничего?

Никто не знает, как это будет – чувствовать себя человеком в постчеловеческий момент, когда все наши способы оценки мира станут операцией, вводящий фактор бесконечности в расчет. Если еще можно понять, почему в это будущее так спешат те, кто верит – пусть и по недомыслию – что выигрывают от этого больше других, и что власть их сохранится, то зачем туда спешат все остальные? 🐱

Квартирный запрос



ФОТО: ТАРАКОВ

Три года я с женой снимал двухкомнатную квартиру на границе Хельсинки и Вантаа, — рассказывает почтальон в среднем стажем, засыпая в кофе уже четвертый пакетик сахара, — и все время платил по 870 евро. Год назад, из-за того что жена потеряла работу, я попросил Kela о материальной помощи в оплате аренды. Как ни странно, деньги стали поступать буквально через две недели после подачи заявления. Правда, через десять месяцев я получил солидное письмо, в котором сообщалось, что рыночная стоимость двухкомнатных квартир в моем районе не превышает 795 евро. Поэтому государство и так немало переплатило за меня, и неплохо бы найти жилье подешевле. Или убедить арендатора скинуть 75 евро. Но и то, и другое желательно сделать вот прямо сейчас.

— «Задержка в исполнении подобных требований грозит неприятностями, — рассказывает старший специалист VVA — Хейни Пуурунен. — Сначала, видя, что поиск нового жилья идет не слишком быстро, Kela поэтапно снижает размер материальной помощи. Так что вскоре человек, который может позволить себе оплачивать квартиру лишь с помощью государства, начинает наращивать долги. Которые, в свою очередь, еще более нега-

тивно влияют на отношение со стороны Kela, и та присылает все больше грозных писем. И заодно сообщает в компании, предоставляющие квартиры по «городским» (льготным) ценам, что их клиент утратил доверие. А значит — потерял сотню-другую позиций в многотысячной очереди на льготное жилье».

Дальше начинает маячить выселение. Чтобы отложить его на неопределенный срок, необходимо доказать государственным органам, что поиск нового жилья продвигается ударными темпами. То есть, минимум раз в неделю Kela должна получать копии заявок на квартиры, а также письма с отказами, если таковые нашлись. Впрочем, универсальный способ общения с бюрократами, когда чем больше бумаг, тем лучше, работает и в данном случае.

Решение о выселении не может принять арендодатель, управляющая компания или банк. Такое право есть исключительно у суда и только его приставы могут быть ответственны за непосредственную процедуру физического перемещения неплательщика из квартиры за ее пределы.

Именно поэтому в офисах организаций, которые помогают бездомным, все чаще появляются люди, у которых есть квартира, но в ближайшей

месяцы ее будет нечем оплачивать. И тут все зависит от каждого конкретного случая.

Если у человека квартира в собственности, но у него нет возможности оплачивать даже коммунальные платежи, то за дело возьмется управляющая компания, сначала взяв на себя расходы, а затем попробовав истребовать издержки с должника.

В личном порядке или через суд.

Во многих случаях компания-домовладелец даже предлагает себя в качестве поручителя, если квартирант решит взять потребительский кредит, которого хватит на пару лет для оплаты необходимых счетов, включая свет и воду. Или предложит всем членам акционерного общества (а именно в такой форме в Финляндии ее жители владеют всем, кроме частных домов) скинуться на квартплату временному неплательщику.

Для нескольких десятков жильцов (реже — сотни) ежемесячный платеж вырастет всего на несколько евро, зато человек, попавший в сложную ситуацию, сохранит крышу над головой.

Или же необходимая сумма будет автоматически вычитаться из общего бюджета акционерного общества. В таком случае решение будет приниматься не всеми обитателями дома, а правлением из

Впрочем, это лишь в случае, когда задолженность у человека одна, и ее достаточно просто контролировать. Но как только счета с пометкой «срочно» или «просрочено» начнут присылать сразу несколько организаций, справиться с этим сможет лишь обладатель высшего образования в финансовой сфере.

В подобной ситуации (особенно, когда сложность приближается к безвыходности) всегда можно попытаться избавиться от долгов с помощью других государственных и прочих организаций. Ведь несмотря на то, что большая часть функций социальных работников перешла к Kela, те все еще оставили за собой право принимать решения не исключительно по инструкции, но и рассматривать дела в частном порядке. Так что иногда должник может предоставить доказательства, что те средства, которые он обычно тратит на жилье, ушли на непредвиденные расходы. Уход за больными родственниками, собственные проблемы со здоровьем, кризисы в личной жизни...

Если приведенные доводы покажутся представителю муниципалитета вескими, то он может запустить процедуру внеочередной финансовой помощи.

Обычно она бывает единовременной — получить деньги на похороны любимой бабушки второй раз не удастся.

А если государственная организация после долгих переговоров видит, что финансовый статус человека уже никак не изменится (например, он уже вышел на пенсию, которая из-за стажа и страховок оказалась минимальной), то должнику рекомендуется обратиться в суд. По итогам разбирательства все долги могут быть реструктурированы и объединены в один, заботу о выплате которого частично возьмут опять государственные организации.

Тем не менее, рефинансирование является более предпочтительным вариантом, чем реструктуризация. Причем в первую очередь для стороны, которой задолжали — ведь это позволяет не прерывать процесс ежемесячных выплат. Ни банк, ни управляющая компания (в случае, если жилье уже в собственности) не хотят ждать пока тяжба, которая может длиться несколько лет, придет к концу, а должник все так же будет сидеть без средств к существованию.

Комментарий Ysaatio (Y-Foundation) — один из крупнейших арендодателей и девелоперов Финляндии, действующих под девизом «всем людям нужен собственный дом»

— «Обычно в нашу организацию обращаются не люди, которые обнаружили, что перестали справляться с оплатой своих счетов за квартиру, а те, кто перестал получать за нее деньги. То есть, арендодатели, управляющие компании, акционерные общества или просто бухгалтера. Почему-то они считают — если сообщить нам о своей проблеме, мы сразу примем жесткие меры. На самом деле, мы просто звоним должнику и пытаемся составить так называемый план выплат. Для этого мы собираем все сведения о доходах — в том числе и пассивных, например другой

недвижимости — на основании которых решаем — сколько средств можно будет выделить на погашение задолженности. Правда, когда сумма превышает два месячных платежа, за дело мы обычно не беремся и рекомендуем разорвать контракт — во избежание стремительного накопления новых долгов».

Y-Foundation имеет доступ к почти семнадцати тысячам квартир в пятидесяти городах, которые можно разделить на две категории.

В первую попадает жилье, предназначенное для помощи тем, кто уже находится в статусе бездомного, недавно освобожденный из тюрьмы или попал в иную сложную жизненную ситуацию, в том числе, связанную с приобретенными зависимостями (алкоголь, нар-

котики, азартные игры и так далее). Или же опустили свой кредитный рейтинг до опасно низких значений. Это не бесплатные квартиры, но чаще всего их оплачивает государство — через различные программы субсидирования. Вторая категория имеет обозначение M2-Kodit. Такая недвижимость так же принадлежит Ysaatio, что позволяет сдавать ее по цене ниже рыночной.

В любом случае жителю Финляндии, который имеет лишь договор аренды, оказаться на улице гораздо проще. К примеру, в Хельсинки уже почти десять лет наблюдается проблема с доступным жильем.

Условно рынок здешней аренды можно разделить на две неравные части. «Городское» жилье, которое возво-

дится частными компаниями, но затем выкупается муниципалитетом и продается, что называется, без наценки. И на все остальное.

Например, студии (самый популярный вариант у арендующих) исчезают из списков риэлтерских агентств за несколько суток. Все, что стоит дешевле 700 евро, держится не более дня.

Государство пытается решить проблему самым простым способом — с каждым годом все больше и больше квадратных метров отдается под «городское» жилье, что вызывает справедливое недовольство частных застройщиков. На них же давят всевозможные правозащитные организации, которые пытаются не допустить сегрегации в Хельсинки. Поэтому даже в модных новостройках на берегу финского залива (Lauttasaari или Vuosaari) для части квартир арендная плата принудительно опускается. Обычно — не больше чем на одну треть от средней рыночной стоимости.

Да, в Финляндии нельзя сказать что очередь на жилье это именно очередь, то есть, длинная линия. Ведь из нее выбирают не по тому признаку, насколько давно человек ждет крышу над головой, а по тому — как он подходит под те или иные инструкции.

Но даже при этом Хельсинки имеет ограничение по количеству жилья, и разрешить эту проблему кардинальным способом пока не представляется возможным. Хотя чиновники предлагают дать возможность той же Kela рекомендовать сменить не только жилье (на более дешевое или в другом районе), но и место жительства. В теории.

В то же время регулирующие органы усиливают свой контроль. Например, студию не разрешат снять семье из трех человек. При этом несколько лет назад минимальное количество метров на человека заменили на минимальное количество комнат. Поэтому все «нестандартные» варианты заселения ложатся на плечи частных.

— Когда я переводился из одного института в другой, — вспоминает Сергей, — Kela потеряла мои бумаги и искала их почти восемь месяцев. Шесть из которых я вдвоем с сокурсником, попавшим в похожую ситуацию, снимал снимал комнату у полубезумных эстонцев. Мало того, что жить с почти незнакомым человеком на четырнадцать квадратных метрах не так уж и просто, так и еще у арендодателей раз в пару недель случалась то белая горячка, то поножовщина, то таблетки заканчивались. Периодически в двухкомнатную квартиру заселялась очередная измученная

душа, спала дней десять на неудобном матрасе в коридоре и воровала наши зубные щетки. Странно, что никто из соседей не сообщил в полицию.

Впрочем, по закону любой, арендующий квартиру целиком, может сдать одну из комнат кому-либо еще.

В зависимости от организации, которая предоставляет жилье, меняются и условия. Например, в некоторых случаях «одиночка» (а именно такой статус чаще всего присваивается бездомному) может претендовать исключительно на студию. Комнату в квартире, пусть и большой, ему не предложат из-за сложившейся системы.

Но и двухкомнатную квартиру ему также не предложат — из-за метража.

Да, в Финляндии нельзя сказать что очередь на жилье это именно очередь, то есть, длинная линия. Ведь из нее выбирают не по тому признаку, насколько давно человек ждет крышу над головой, а по тому — как он подходит под те или иные инструкции.

Но даже при этом Хельсинки имеет ограничение по количеству жилья, и разрешить эту проблему кардинальным способом пока не представляется возможным. Хотя чиновники предлагают дать возможность той же Kela рекомендовать сменить не только жилье (на более дешевое или в другом районе), но и место жительства. В теории.

К примеру, в том же Рованиemi пустых квартир ничуть не меньше, чем снега.

Правда, и работы поменьше. Поэтому переселять низкооплачиваемого жителя столицы на крайний север и переводить его в статус совсем безработного, пока никто не горит желанием. Зато если человек уже давно и прочно сидит на пособии, то считается, что перемена города никак не отразится на его жизни (что чаще всего, вполне справедливо) и социальное жилье вполне допустимо предлагать в нескольких сотнях километров от нынешнего.

Кроме того, Хельсинский магистрат, скорее всего, не зарегистрирует почтовый адрес человека, который перебрался в столицу безо всякого плана, а дежурное должностное лицо предупредит о неразумности такого шага.



ФОТО: ТАРАКОВ



119200 Россия
г. Москва, ул. Арбат 55/32 каб. 317
тел./факс: +7-499-244-2441
e-mail: rufund2012@mail.ru
www.pravfond.ru

Листья желтые



В латвийский городок Sigulda, точнее, в долину Gauja National Park эстети с тонким пониманием красоты приезжают в первые недели октября – на листопад. Красные, желтые, зеленые и многих других цветов и оттенков деревьев, вино из одуванчиков, сирени, райских яблок и березового сока, извивающиеся на холмах загадочные тропинки, скалы из песчаника с темными гротами, кошачьи отели, изысканные поместья с каминными и речной форелью на обед... Все это создает такую ни на что больше непохожую позитивную атмосферу, что даже несколько проведенных здесь дней можно укупорить в сознании, и потом – совсем как в фантастическом романе Брэдли – выпивать небольшими глотками. Чтобы как раз хватило до следующего раза.

Знаешь, кто такой циник? С точки зрения Фрейда? – спрашивал незатейливо одетый мужчина своего собеседника. Спеша на автобус в Риге, мы так и не успели узнать мнения основоположника современной психологии. Но в окрестностях осенней долины Gauja поняли – самый прожженный циник (или просто неудачник?) тот, кто не приехал сюда восхищаться листопадом. Латвийский национальный парк прекрасен в любое время года, но в октябре он превращается в самые романтические мечты о гораздо более лучшем прошлом.

ИГОРЬ ЛЕВКОВ

«Лес победы» – именно такое название – Segewold (в латышском варианте Sigulda) дали этому месту немецкие рыцари, пришедшие почти девятьсот лет назад вместе с христианскими священниками. С традиционной по тем временам задачей – искоренять язычников и, главное, пополнять казну. Как обычно в подобных мероприятиях выбор у местного населения был невелик – или ты принимаешь «истинную веру», или тебя зарубят мечом.

Спротивляться толпе мужчин в доспехах решались не все, соглашались креститься – со всеми вытекающими последствиями в виде обязательных «десятин» – но в душе остались верны своим более близким по духу богам – деревьям, рек и ручьям.

Что вовсе неудивительно в такой долине.

Ну а христианским рыцарям солидный бюджет позволил возвести в окрестностях сразу три замка, один из которых, принадлежавший Ливонскому ордену, стоит и сейчас на краю городка.

Когда религиозный пыл поутих, рыцари отправились за новой добычей, и начали строить себе другие замки и крепости. А местные жители воспользовались тем, что все сооружение было, в основном, из известняка, и использовали заброшенный замок для личных нужд. По этому сейчас уже толком никто не может сказать – как замок выглядел изначально. К тому же, во время неудачного испытания артиллерийских орудий сгорели все деревянные постройки.

Новый расцвет забрезжил в Sigulda более ста лет назад, когда князь – и одновременно анархист – Петр Кропоткин решил превратить ее в маленькую Швейцарию. Для привлечения туристов он построил бобслейную трассу (поэтому Латвия стабильно зарабатывает медали в этом виде спорта), возвести гостиницу (она до сих пор работает), а также благоустроить окрестные холмы.

Видя, как благородные господа и дамы с трудом преодолевают склоны, сигулдцы в срочном порядке запустили выпуск специальных тростей. Красили их в красный и зеленый цвета, так как это были самые дешевые краски на тот момент, украшали древними мистическими символами и продавали. Яркая трость так приглянулась всем по вкусу, что стала символом города и ей даже посвящен целый парк.

Свои взгляды на мир – князь был убежденным противником любой формы государственной власти – он



перенес на отношение к работающим в поместье, чем вызвал симпатию у местных жителей. Он не требовал слишком много, редко бывал в Sigulda, исправно платил жалованье, не издевался над подчиненными...

В итоге его имение стало одним из немногих, которое не сгорело и не было разграблено в двадцатых годах прошлого века.

Причем на его защиту от «революционеров» стали сами горожане.

Они же не дали разрушить уже в советские времена старинную лютеранскую церковь.

Сейчас на втором этаже здесь проходит выставка картин из пуговиц, которые создал известный латвийский писатель, а проспонсировал – местный меценат.

Тут же аккуратно упакованы в ящики симпатичные

игрушки и одежда для малообеспеченных. А поднявшись на башню по лестнице, можно любоваться пейзажем, который олицетворяет то, что мы понимаем под миром и красотой – маленькое озеро с фонтаном, довольные жизнью утки, цве-

ты кувшинок, отражающиеся в воде, и переливающиеся на осеннем солнце золотые листья.

Ожившая сказка – пожалуй, это самое точное описание Sigulda и прилегающего к ней национального парка.

И как по капле воды можно судить о химическом составе целого моря, так территория замка дает представление о всей Латвии тех времен. Мастера здесь делают трости, украшения из серебра, сумки, ремни и прочие изделия из кожи...

Школьники (да и все желающие) приходят сюда посмотреть и обучиться традиционному ручному ремеслу. А на сцене с открывающимся видом на долину, проводятся музыкальные концерты. Те, кто их посещал, уверяют – совершенно неважно, что ты слушаешь – классику или

блюз. Только, пожалуй, тяжелый рок не пойдет.

Еще одно здание, которое удалось сохранить от разрушения – в данном случае, от фашистских взрывов – стала Кримульдская усадьба. В двадцатых годах прошлого века она, естественно, была отнята у буржуев-владельцев и преобразована в санаторий для детей, больных туберкулезом. Врачи считали, что горный воздух, покой и красивый пейзаж как нельзя лучше способствуют выздоровлению. Но когда началась

вторая мировая война, детей забыли. Двигаться они не могли, поэтому, чтобы спасти от бомб, оставшиеся несколько сотрудников перенесли их в подвал. И когда немцы – перед тем как взорвать, попросили медсестер удалиться, одна из них за-

вила – «я не уйду, взрываю вместе со мной». Даже фашисты на это не решились.

А рядом находится винодельня, где ее хозяин Янис делает вино из всего, что растет. К сожалению, попробовать напитки, настоянные на одуванчиках, розах и все прочее, что, казалось бы, никак не годится для вина, можно только здесь. Длительному хранению и экспорту продукция Яниса не подлежит – в него не добавляются сульфиты, используемые как консервант.

Подобных маленьких семейных виноделен здесь масса. На рынке в Sigulda продается вино из ревеня, крыжовника и черносмординого листа, на горе – в то самое, что из романа – вино из одуванчиков, малины, груши, и даже в крошечном

Ligatne есть



ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ



ИГОРЬ ТАБАКОВ

свой винный магазин. Когда-то на этом месте была аптека, но потом местные жители справедливо решили – вино помогает лучше любых лекарств.

Настойки же здесь делаются буквально из всего, так что Латвия вполне даст фору многим традиционным «алкогольным» регионам.

Впрочем, особой популярностью пользуется местное пиво.

Пивоварня Valmiermuiza находится на месте бывшей усадьбы. Еще в восемнадцатом веке один из герцогов настолько хорошо проявил себя на поле боя, что указом императора получил в награду землю, людей и пару титулов. По воспоминаниям современников, герцог был солдаком до мозга костей, предпочитал походную палатку светским приемам и никогда не отказывал себе в удоволь-

ствии преследовать отступающего врага до полнейшего его уничтожения.

Видимо поэтому те же самые современники крайне удивились, когда вчерашний вояка превратился в радушного гостеприимного хозяина, который с головой погрузился в дворцовые интриги.

Дело в том, что его попочитал походную палатку светским приемам и никогда не отказывал себе в удоволь-

Путешествие было долгим и утомительным, поэтому каждая остановка воспринималась как маленький праздник.

А какой же праздник без пива? Так что вскоре к герцогу навали съезжаться окрестные аристократы – на кружечку, казалось бы, совсем простого напитка.

В чем был секрет такой популярности – выяснить не удалось, так как рецепт сгорел в пожарах революции.

Но прошло время, и ответственность за восстановление традиций пивоварения взяла на себя Valmiermuiza. Ее нынешний владелец выкупил практически руины, восстановил их, достал самое современное оборудование, нашел оригинальный немецкий рецепт... и год просидел, не продав ни одной бутылки.

Германский способ пришелся не по нраву латвийцам. Поэтому еще целый год глава компании провела с семьей и верховным пивоваром, создавая собственный букет. Чуть ли не каждый месяц приходилось менять половину ингредиентов, искать новых

поставщиков и опять собираться вместе.

Сейчас здесь можно продегустировать с десятком разных напитков, включая безалкогольные – например, колу из сосновых иголок и соду с ревенем или цветками липы.

Но главное, разумеется, пиво. Балтийский портер подается в бокале для коньяка, и хотя сервируют его при температуре восемь градусов, свой полный вкус он раскрывает только при двенадцати. Поэтому бокал и его содержание нужно согреть в ладонях.

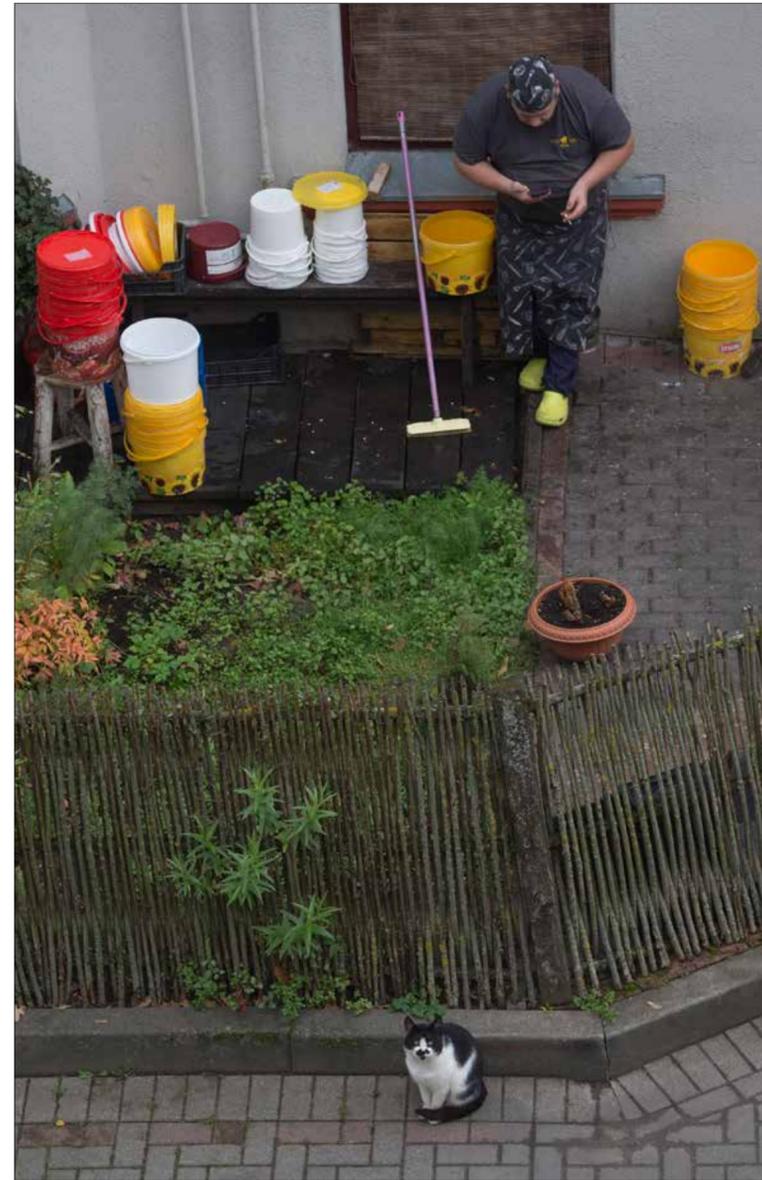
Копченое пиво – в отличие от остальных сортов – полгода проводит в баках, заполненных дубовыми щепками. Не менее интересно и «огнепиво». По крепкости оно приближается к сорока двум градусам, по-вкусу – к свежему черному хлебу.

При этом остатки солода, хмеля и сула не выбрасываются, а продолжают свою жизнь в виде косметики, закусок, скрабов для тела или отправляются на ближайшие фермы.



Advertisement enquiries www.novosti-helsinki.com – oy12chairs@yandex.ru

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ



ИГОРЬ ТАБАКОВ

...Руины еще одного замка Turaida – решили не восстанавливать – чертежи были утеряны при пожаре. Но их тоже облагородили. И «заселили». Например, прямо за входом на территорию, у совсем крошечного пруда, работает кузнец. Ключи, двери, печи, цепочки и магические талисманы – к сожалению, всего этого не хватает для более-менее достойного существования – в материальном смысле. Поэтому периодически кузнец пытается отправиться на заработки за границу. Ему почему-то кажется, что работа почтальоном в Норвегии принесет ему необходимый достаток. Но сотрудники замка-музея все время его отговаривают,

и здесь работы полно, и находят – что, действительно, нужно сделать в близлежащих домах. По их мнению, без кузнеца и замок не замок.

Здесь же была написана первая в Лифляндии книга с описаниями лечебных трав и способов их применения. В замке тогда располагался богатый сад, а местные монахи славились своими научными изысканиями, которые, впрочем, в большинстве были основаны на народных рецептах.

В этом же замке когда-то произошла латвийская версия «Ромео и Джульетты», которая, естественно, была трагична. Началась она с того, что рыцарь нашел на поле боя новорожденную де-

ца. Через восемнадцать лет она стала такой красавицей, что за ней уже бежали толпы ухажеров, но она отвергала всех, веря, что любовь бывает только одна. Ее избранником оказался местный садовник. Влюбленные уже получили благословение родителей и собирались обвенчаться, когда в замок прибыл Адам Якубовский, бывший солдат и большой умелец в обращении с топором.

Увидев Майю, он был поражен ее красотой, и решил, что эта девушка должна принадлежать только ему. Поставив перед собой цель добиться Майи, Адам начал неуклонно следовать за ней. Получив первый отказ, он незамедлительно отправился к отцу девушки, где получил уже второй. Промаявшись неделю, окончательно обезумев и решив, что если он ее обесчестит, то ей придется выйти за него замуж. И решил действовать обманом. Он пригласил Майю на свидание от лица ее возлюбленного, подделав почерк. Местом он назначил пещеру у города. Прибывшая к назначенному часу девушка слишком поздно заподозрила неадекватное – уже в глубине пещеры, когда вместо садовника к ней вышел Адам с товарищем.

Когда он ее уже схватил и начал срывать одежду, она поняла – сбежать не удастся. И предложила обмен. Если ее не тронут, она отдаст магический платок, который сохранит владельца от любых ран. Якобы именно он когда-то спас ей жизнь на поле боя. Видя сомнение в глазах Адама, девушка повязала платок на шею и предложила незамедлительно продемонстрировать его защиту. Известно, поверил ей солдат или нет, но он взмахнул мечом... и девушка упала с разрубленным горлом. Солдат сбежал, в одежде убитой нашел записку и пытался обвинить садовника, который и так страдал. Но даже в те долиберальные

времена нашелся справедливый судья, который провел тщательное расследование и оправдал невиновного. А через несколько сотен лет в парке открыли памятник Майе – как символу верной любви, назвав его Турайдская роза. И в очередном магазинчике-мастерской, расположенном на втором этаже развалин замка, теперь можно купить кольца, цепочки и браслеты – украшенные, конечно, розами.

...Хотя название Cesis переводится как «город за рекой», сегодня его, скорее, можно назвать городом теплиц. Там, где в тринадцатом веке строил свои замки Ливонский орден, сейчас – бесконечные поля и научного вида купола из стекла. При чем выращивают фрукты и овощи здесь не сколько на продажу, сколько пытаются вывести новые сорта. Сюда же съезжаются жители Риги – жилье здесь не много дешевле, чем в столице, а парков и лесов гораздо больше, да и на работу можно добраться за час с небольшим. Поэтому сейчас современные окрестности Cesis чем-то похожи на американский пригород – ряды аккуратных коттеджей, у каждой семьи по машине, а в супермаркет выезжают раз в неделю – в соседний Valmiera, где работают промышленные фабрики по производству стекловолокна и огнетушителей.

Зато старый Cesis остался практически нетронутым. Средневековая аптека (один из мэров удачно совмещал продажу лечебных настоев и руководство городом), пяти-шестилетние дома, древнейшая церковь, где идут археологические раскопки, а смотрительница весьма настойчиво просит всех входящих пожертвований «во имя господ».

А прямо напротив церкви еще две современные достопримечательности – хлебо-



WOLMAR HOTEL
• Hotel
• Restaurant «Agnese»
• Conferences
• Beauty and recreation
www.hotelwolmar.lv

**** hotel in Valmiera



Реклама в газете «Новости Хельсинки» +358(0)458798768

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ



ИГОРЬ ТАБАКОВ

пекарня и крошечная кофейня. Хозяин первой в недавнем прошлом занимался «инновациями» и прочими «передовыми технологиями». Но потом понял – жизнь идет, а он до сих пор ничего путного не создал. Перечитал старинные латвийские рецепты и стал печь хлеб из дикой пшеницы. Не ради прибыли (ее практически нет) – для того, чтобы радовать каждый день себя и своих посетителей.

В находящейся в двух шагах кофейне, заполненной с

самого открытия, владелец, наоборот, экспериментирует. К примеру, самый вкусный капучино получается у него так: берется 1 эспрессо, добавляется еще один, потом взбитые сливки, на которых непременно должен быть рисунок в виде елки, осенних листьев или еще чего-нибудь красивого.

И, конечно, в Cesis есть свой замок. Построен он был все тем же ливонским орден в XIII веке и стал самой защищенной крепостью в ре-

гионе. Считается, что именно здесь чуть позже придумали латвийский флаг. А один из «руководителей» замка прокатился тем, что в то время, когда святость религии не подлежала сомнению, высказывал еретические взгляды, за что был уволен, переведен в Ригу и в отместку зарубил секирой священника.

Ну а в середине XIX века в Cesis стало модно владеть жильем с видом на замок. Городской глава позволял селиться хоть на соседней к

крепостным стенам улицам – главное, платить и содержать прилегающие земли в порядке. Так что даже когда сам замок пришел в запустение, окружающие его сады и парки выстояли, и продолжают радовать приезжающих сюда в разгар листопада туристов.

Если по самому городку гулять можно сутки, то по его окрестностям – несколько недель. Природные тропы, крутые лестницы, обрывы, пещеры и скалы...

Последние сплошь покрыты надписями – в память о том, что «я здесь был».

Одна из самых старых датируется тысячу семьсот каким-то годом.

Чтобы подтвердить свое пребывание на самом верху скалы, люди забираются на деревья, обвязываются веревкой (по типу тарзанки), спускаются с этой «страховкой» вниз и выдалбливают даты и свои имена.

Эту особенность долины Gauja – мягкие известняковые породы – облюбовали и дикие пчелы. В многочисленных крошечных отверстиях,

испещряющих скалы на протяжении километров, после дождей скапливается вода. Через некоторое время она смешивается с содержимым скал, и в ней появляются минералы. Так что пчелы, залетая попить воды, устраивают себе бальнеологический курорт.

По этой же (или по какой другой причине) одну из небольших речушек облюбовал лосось – на нерест. И хотя на территории национального парка в Gauja впадает более десятка ручьев и рек, капризная рыба выбрала именно эту. Чтобы вывести своих мальков, лосось стаями плывет сюда сначала из Балтийского моря, потом против стремительного течения Gauja и, наконец, останавливается точно в определенном месте – возле шоссе и моста. А через год новые рыбины повторяют их путь, и ничто не может их сбить с когда-то выбранного пути. Даже браконьеры.

...История поселка, (скорее, деревни) Ligatne началась почти двести лет назад со строительства бумажной

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ



ИГОРЬ ТАБАКОВ

фабрики. И, как обычно это происходит – случайно. Очередной князь или граф, то ли ждал поезда, то ли просто прогуливался по окрестностям, обнаружил место, где есть вода – речка и пруды плюс близость железной дороги, и решил основать здесь бумажную фабрику.

Труд, естественно, тогда был ручным и очень-очень тяжелым. Но бумага сразу стала славиться высочайшим качеством. В 1896 году ей даже было дано право ставить государственный герб на свою продукцию.

Что до рабочих, то в те времена они, наверное, считали – жизнь удалась.

В поселке был построен комплекс деревянных домов, где каждой семье выделялась комната (24 метра) с небольшой прихожей, а тем, кто еще не женат – помещения поменьше – на втором этаже.

Электричество для всех было абсолютно бесплатно, а вот с канализацией тогда даже у князей было не очень. Поэтому стирать белье и мыться приходилось в тазу, а туалет был общий – во дворе.

Запирался он на ключ, который выдавался всем жильцам дома. Сейчас одна из хижин отдана под мини-музей, который так и называется – квартира.

В ней же можно посмотреть семиминутный фильм, где дочка одного из работников фабрики рассказывает о своем детстве.

С точки зрения привыкших за несколько десятилетий к

исключительному комфорту европейцев, ничего хорошего там не было. Усталая мама, которая сутки напролет стирает, готовит, подшивает одежду.

Не менее усталый папа, после смены читающий газету. И две школьницы, которые делают уроки в той же комнате на двух половинах стола.

Но, судя по всему, жители Ligatne все устраивало. Они жили так до 2015 года,

пока фабрика не закрылась – бумага класса люкс оказалась никому не нужна.

Большая часть жителей разбежалась в поисках заработка, меньшая – осталась.

Чем занимаются задумчиво курящие на крыльце двухсотлетних деревянных домов мужчины – неизвестно. Из работающих заведений нам удалось обнаружить лишь турбюро да винную лавку, ту

самую, которая вместо аптеки. Производством настоек и вин занимается сын хозяйки, а ее внук вырезает деревянные ложки, которые продаются здесь же.

Еще в Ligatne есть культурный дом, где раньше показывали фильмы и проводились концерты, загадочное помещение на горе, которое обозначено как дом престарелых и откуда доносится веселая музыка, а

Zeit

www.tikluparks.lv
Ligatne
Family fun up
in the trees

- Hotel
- Cafe
- Conferences

Hotel Tigra

*** superior hotel near Cēsis www.hoteltigra.lv
www.entergauja.com/ru/mesta-nochlega/gostinitsyi/hotel-tigra

- Hotel • Cafe • Sauna & swimming pool

Гостиница и ресторан Aparjods

Sigulda, Латвия, Улица Вентас 1а.
Гостиница: +371 67972230; +371 29383717.
ресторан: +371 67974414
+371 29390546, e-mail: aparjods@aparjods.lv, www.aparjods.lv

Отель "KAKIS" SIGULDA

www.cathouse.lv
телефон: +371 2661 6997
e-mail: CATHOUSE@INBOX.LV

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ



ИГОРЬ ТАБАКОВ

замеченный нами человек даже издали не был похож на достигшего пенсионного возраста. Впрочем, наш гид пояснила, что теперь тут что-то типа социальной реабилитации, а всех престарелых переместили поближе к бункеру (достопримечательность, оставшаяся с советских времен).

Ligatne самое богатое гротами место в Латвии. Жители использовали их очень

практично. Так как температура в любое время года не превышает 5-7 градусов, там хранили картошку, соленя, яблоки и прочие припасы. А в гротах, находящихся в скале напротив бывшего дома престарелых (и под кладбищем) хранили тех, кто ушел из этой жизни, но вынужден ждать «расквартирования» в той – в смысле, места на кладбище.

Первое же здание бумажной фабрики – уже полураз-

рушенное – и вовсе находится в месте, где из «рая» видны многочисленные входы в «ад». Веселая полянка, струящаяся речка, водопады и закатное солнце – все это находится прямо напротив скалы с темными гротами, начинающимися чуть ли не от вершины.

Говорят, там живут летучие мыши. Но кто знает, они ли на самом деле хлопают

крыльями и издают заунывные звуки по ночам?

Есть в Ligatne и свой «Харон». Правда, переправиться с ним можно, как туда, так и обратно. И не в подземное царство, а на такой же латвийский берег. После второй мировой войны, когда все мосты в регионе были разрушены, бумажная фабрика оплатила постройку паромов, чтобы рабочие могли вовремя приезжать на смены.

Сейчас этот паром является единственной переправой подобного рода, наверное, не только в Латвии. Он состоит из двух соединенных вместе лодок, покрытым настилом из досок. Протянутый через реку трос не позволяет воде унести паром, а от берега к берегу его толкает сила течения.

Алексей Табаков



Gauja National Park

www.entergauja.com

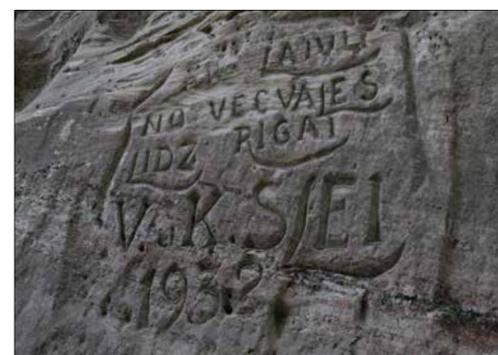
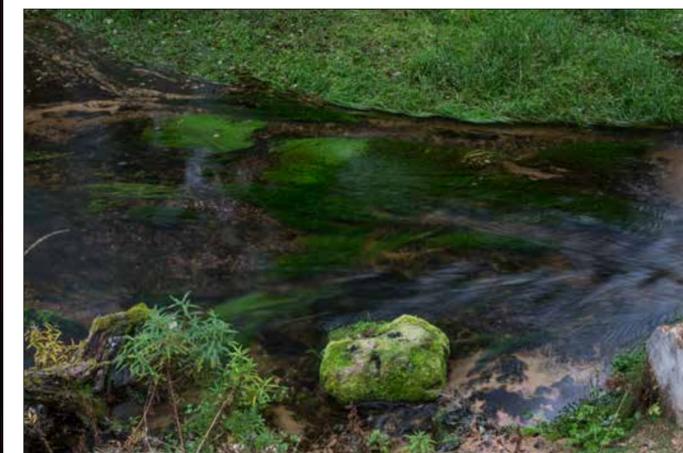
e-mail: info@entergauja.com

Подробнее о походных тропах и возможностях путешествовать по Национальному парку:

www.entergauja.com

Advertisement enquiries www.novosti-helsinki.com – oy12chairs@yandex.ru

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ



ИГОРЬ ТАБАКОВ

Интернет-версия газеты – www.novosti-helsinki.com

РЕКЛАМА

All inclusive
in your day ticket
or transport card



Отель Aquamarine



- ☐ номера с видом на море
- ☐ рядом с портом
- ☐ 20 минут пешком до Старого города
- ☐ самый красивый парк за окном

Tallinn, Pirita tee 20

Tel: +372 6000010

+372 5685 3533

info@aquamarinehotel.ee

www.aquamarinehotel.ee

HELSINGIN
MEIJERILIIKE
Все только
из настоящего молока

- сыр
- йогурты
- кефир

+358 50 355 4888, Suomi Meijeri Oy,
Mustialankatu 1, 00790 Helsinki
antti@helsinginmeijeriliike.fi



www.novosti-helsinki.com
editor@novosti-helsinki.com
Издатель: European Values ry
Телефон: +358 (0)458798768, +358449766194
Реклама: oy12chairs@yandex.ru
Главный редактор – Ирина Табакова
Специальный корреспондент – Алексей Табаков
Дизайн и Верстка – Марина Кутафина
Название, слоган, тексты, фотографии,
рекламные блоки являются объектами авторского права.
Перепечатка и использование без разрешения редакции
запрещены. © Новости Хельсинки.
подписка: editor@novosti-helsinki.com
или по телефону: +358(0)458798768

www.novosti-helsinki.com
editor@novosti-helsinki.com
Publisher: European Values ry
Tel. +358 (0)458798768, +358449766194
Advertisement enquiries: oy12chairs@yandex.ru
Editor-in-chief – Irina Tabakova
Special correspondent – Alexey Tabakov
Design&layout – Marina Kutafina
All pictures, articles, slogans, advertisements,
graphics are subject to copyright. No reprinting
or reproduction is allowed without
permission © «Новости Хельсинки».
Subscription: editor@novosti-helsinki.com
+358(0)458798768

Новости Хельсинки

Ваш навигатор по Финляндии и Европе



www.novosti-helsinki.com

ISSN 1799-3164
PAL.VKO 2020-32
20003
6 414885 650856 565085-2003